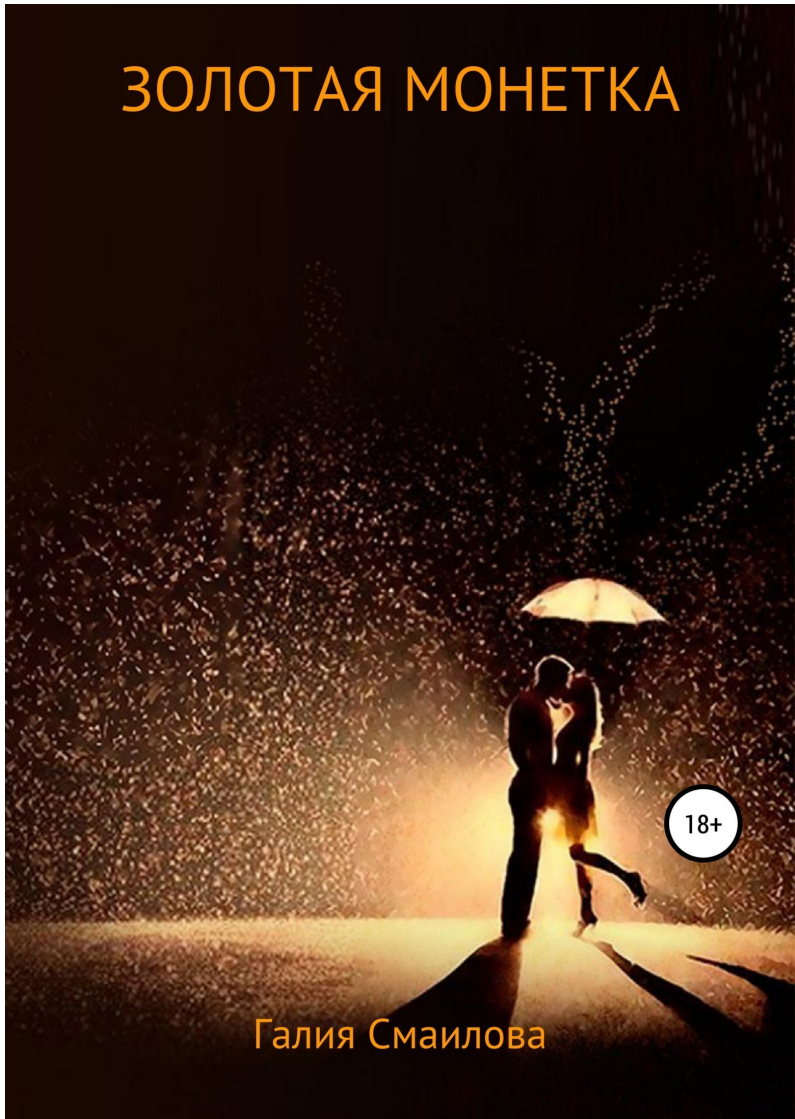

ЗОЛОТАЯ МОНЕТКА

18+

Галия Смаилова

Галия Маратовна Смаилова

Золотая монетка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36345953

SelfPub; 2018

Аннотация

Она была молодой и красивой, наивной и беспечной, бедной и закомплексованной. Какая бы она ни была, она хотела быть счастливой, по-настоящему счастливой. Но как стать счастливой? И сколько стоит счастье? И что такое счастье вообще? Кто знает...

Содержание

1	5
2	14
3	24
4	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

«Здравствуй моя доченька... моя маленькая... моя малышка... моя долгожданная красавица. Как же сильно я желала твоего рождения... Если бы ты знала, как я мечтала, что с твоим появлением на свет, весь мир озарится невиданным восхитительным светом, который заставит нас всех поверить в чудо, поверить, что все-таки мечты сбываются. И знаешь, действительно, мир стал намного прекраснее, намного красивее, намного чудеснее... для меня... Все, что я могу сейчас просить у Всевышнего, так это бесконечного счастья для тебя. Остальное, пока я жива, я подарю тебе сама...»

2000 год, осень

– Карина, пожалуйста, не бегай так быстро, ты можешь упасть. Я не хочу, чтобы на этих красивых коленках появились безобразные шрамы. Нам нужно тебя удачно выдать замуж. А если у тебя все ножки будут в шрамах, кто же станет смотреть на тебя? – Алина говорила с таким серьезным видом, что невольно я и сама поверила в ее слова, но, спустя мгновение, опомнилась и начала смеяться. Ее слова звучали так искренне и так нелепо, что вскоре мой смех перерос в настоящий хохот, и мне стоило очень больших усилий остановиться. Но, взглянув на недоуменное лицо Алины, я снова чуть не захлебнулась от очередного взрыва смеха. Слезы невольно катились из моих глаз, я представляла, как «будущий жених» просит Карину показать коленки, и как при этом Алина отговаривает его не делать этого.

– Она еще такая маленькая, Алина, ей всего шесть лет, и, думаю, ее будущему мужу будет совсем наплевать, есть ли у нее какие-то там детские шрамы или нет. Посмотри на свою дочь. Ее нельзя не любить, она – само совершенство! – Алина уже не скрывала своего недовольства, и мне пришлось засунуть поглубже все свое воображение и извиниться.

Глаза матери потеплели от моих слов, и она уже по-другому воспринимала мои глупые улыбки, предательски появ-

ляющиеся на моем лице. Она смотрела на свою дочь, и в ее взгляде была вся сила материнской любви, которая, словно тигрица, готова была разорвать любому глотку, кто только бы подумал обидеть ее детеныша, и в тот же миг это была сила с ее неопикуемой нежностью и лаской, способная дать всю любовь, на которую только способно человечество во всей своей тысячелетней истории.

Я наблюдала за этим взглядом, и с каждой минутой во мне росла безмерная зависть к этой любви. Зависть, которая, я думала, безобидна и быстротечна. Как же я ошибалась...

– Нам пора идти, скоро полдень, Карине нужно пообедать и отдыхать, – я старалась говорить, как можно более ровным и безразличным голосом, и, видимо мне удалось.

Алина ничего не почувствовала, или не смогла различить перемену в моем настроении, поскольку была полностью поглощена своей любовью к дочери.

– Как жаль, что у меня совсем нет возможности уделять ей столько времени, сколько она заслуживает, сколько бы мне на самом деле хотелось бы. Как же мне повезло с тобой, Динара. Спасибо, что ты у нас есть, что ты любишь мою малышку и даришь ей минуты, которые не могу подарить я, – столько грусти было в ее словах, мне стало жаль ее. И я постыдилась своей недавней зависти.

Алина продолжала:

– Я очень часто думаю о том дне, когда мы встретились впервые. Казалось бы, уже все, прошлое нужно отпустить и

не возвращаться к нему никогда. Но нет. В том дне было столько боли, столько драмы в моей душе, но я помню его из-за тебя... если бы не ты... моя дочь... встреча с тобой, наше знакомство перекрывает все плохое, все ненавистное того дня... спасибо тебе, дорогая моя!

Я обняла ее, и сказала, что они стали для меня почти родными, что я так сильно привыкла к ним, к их семье, что, наверное, уже никогда не смогу жить иначе, без них, без Карины... И по щеке покатилась слеза, горькая, жгучая, но это была слеза преданности и признания в любви, это была слеза глубокой вины, слеза греха, отчаяния, слеза съедаемой совести, которую, я скрыла, быстро утерев, и мы вновь стали обычной семьей – дочка, мама и няня.

Алина, как правило, неставляла свои слезы напоказ, но временами в минуты самой большой слабости, она давала им волю. Карина всегда была ее самой большой слабостью, вот она и не скрывала слез. Вся ее красивая, бурлящая и несчастная жизнь текла перед моими глазами. Она была старше меня всего на один год, и это обстоятельство позволяло ей полагать, что я как никто другой смогу понять ее чувства, все ее переживания. Не было ничего, о чем бы я не знала. Алина была по своему эгоистичной, поглощенной только своими проблемами, женщиной, то есть она была той, кем собственно богатые, не обремененные материальными проблемами люди, могли себе легко позволить быть. Она делилась этими своими проблемами, и при этом искренне верила, что

других, более важных проблем, чем ее собственные, на свете не бывает. И все, что мне оставалось, построить на лице сопереживающую мину, и делать вид, что на самом деле она – центр всей вселенной. Но, справедливости ради, стоит признать, что доброты в Алине было больше, чем эгоизма. Вот такое сочетание несочетаемого. Единственная дочь, любимица своего отца, да, она нуждалась в постоянном внимании, неважно мужчин, или подруг, или родственников. Ей было необходимо внимание всего общества в целом. Но в то же время, в воспитание Алины родители смогли вложить не только вежливость, тактичность, умеренную щедрость, а также умение тоже быть внимательной. Одним словом, Алина, моя хозяйка, была хорошим человеком, к которой я испытывала смешанные чувства. И мне от этого было совсем не легче.

– Карина, детка, пойдем. Нам пора возвращаться, – Алина взяла дочь за руку, и они пошли по дорожке, ведущей из сквера в сторону стоянки автомобилей.

Сквер, в котором мы гуляли, был любимым местом игр для Карины. Хотя в нашем городе довольно много различных мест, куда можно было бы поехать, или даже просто прогуляться пешком, и неплохо провести время. Каринка же всем известным ей местам предпочитала этот небольшой скверик. Карина предпочитала...

Я плелась следом за ними, наблюдая за их спинами, и даже не заметила, как погрузилась в свои мысли... На самом де-

ле здесь было все, что только может пожелать маленькая девочка. В самом центре удобно устроился разноцветный детский городок, в котором были и лилово-желтые качели, и зеленая с оранжевыми перилами горочка для малышей, а рядом ярко-красная горка для детей по старше, и много всяких замысловатых турников-лабиринтов, раскрашенных во все цвета радуги. Чуть подальше размещалась небольшая круглая площадка со специальным резиновым покрытием и лавочками вдоль ее краев. На ней ребятига отбивала в основном баскетбольные мячи, а по вечерам она превращалась в площадку для танцев.

С другой стороны детского городка в метрах двадцати от него была другая площадка, побольше первой, но менее облагороженная. Центр этой площадки украшала небольшая клумба, собранная из пяти старых автомобильных покрышек, также раскрашенных в разные яркие цвета. Цветы в ней были красивые и рассажены в таком порядке, что если смотреть на клумбу сверху, то из растущих цветов можно увидеть рисунок одного большого цветка. Вокруг клумбы малыши, как правило, разноцветным мелом оставляли свои недолговечные автографы и рисунки, сменяющие друг друга день изо дня. Вдоль краев площадки также были размещены лавочки для отдыхающих. Вид этих лавочек довольно заметно отличался от тех, что были на первой площадке, да и вообще от всего остального, что заполняло сквер вокруг. Они отличались именно резными с замысловатым узором ножками,

покрытыми серебряной краской, благодаря которым им придавался благородный, в какой-то степени даже дворянский вид. Видимо, они были еще с тех самых времен, когда создавался этот сквер, просто время от времени они проходили своего рода реставрацию после очередных нашествий местных хулиганов.

На одной из таких лавочек изо дня в день в противоположность рисункам на асфальте, и как мне кажется, уже целую вечность сидела пожилая женщина. Маленькая, сухонькая старушка лет шестидесяти всегда садилась на одно и то же место, даже на один и тот же край лавочки, и кормила голубей. Никто не знал откуда она, в какое время приходила и когда покидала сквер. Каждый раз, когда я с Кариной приходила сюда, она неизменно уже сидела на своем месте и разговаривала со своими птицами, время от времени подкидывая им крошки хлеба.

Мне нравилось за ней наблюдать, наблюдая за ней и ее птицами, мне почему-то было легко приводить свои мысли в порядок. Но мое наблюдение было не единственным, пожилая женщина также наблюдала за всем, что происходило вокруг, в том числе и за мной. Меня не покидало ощущение, что эта старушка мне знакома, но каждый раз, перебирая в памяти лица людей, встречавшихся на моем пути, никто не воскрешал, даже из самых дальних уголков воспоминаний, и я приходила к выводам, что ее лицо мне определенно незнакомо. Очень часто я ловила ее взгляд, иногда безразличный,

иногда задумчивый и, как мне кажется, беспокойный, но в основном ее взгляд сопровождался еле заметной улыбкой. Я бы обязательно его запомнила, если бы повстречала ранее. Нет, мы не встречались с ней раньше, и в этом я убеждала себя при каждой встрече. И каждый раз, встреча наших глаз придавала какой-то особенный смысл моему существованию. Я так и не смогла распознать и до конца расшифровать в себе это странное ощущение, возможно даже я придавала ему преувеличенное слишком философское значение, но что-то внутри заставляло меня думать именно так и никак иначе.

В этот день она также сидела все на том же своем месте, и я много раз ловила ее взгляд, но не обращала на нее никакого внимания. Даже, проходя мимо нее, следуя за Алиной и ребенком, я была настолько поглощена своими мыслями, что не сразу поняла, что ее слова обращались ко мне.

– Ложь бывает разной... Порой люди лгут, чтобы спасти себя, порой лгут, чтобы не причинять кому-то боль, а иногда люди лгут, чтобы погубить что-то, а возможно, и кого-то... – женщина говорила и смотрела мне прямо в глаза. Я остановилась. – Ложь бывает святой, кому-то во благо. Бывает ложь глупой, нелепой... Но также ложь бывает злой, коварной, чудовищной. Всякая бывает ложь... Какая же ложь ужаснее всех? Кто знает... Но весьма страшна бывает та, которая обращена против себя. Когда лжешь себе и со временем искренне веришь в эту ложь, веришь, что солгал во благо, а не

во вред. Вот тогда перестаешь жить по-настоящему, жизнь превращается в существование или может быть в ад на земле... Хорошего от такого мало, или вообще нет ничего хорошего...

– Простите, Вы со мной говорите? Я Вас не понимаю..., о чем Вы говорите? – я была в недоумении, что совсем незнакомый человек говорит мне слова, смысл которых был полон тайн и в то же время не логичен по отношению ко мне, но это были те слова, которые на уровне моего подсознания я всегда боялась услышать и тем более не намеревалась беседовать на подобные темы абсолютно ни с кем. Я не была готова кого-либо впускать внутрь себя. А тут эта женщина, сразу же залезла мне в душу и даже нашла там ее самые темные уголки.

– У меня нет никаких намерений беречь Вашу душу, – она к тому же умеет читать мысли, подумала я. – Я не стремлюсь, причинять вред кому-либо, наоборот... – она задумалась, закрыла глаза, а потом резко снова посмотрела прямо мне в глаза. И я почувствовала, как взгляд ее пронзил меня и застрял внутри. – Важно то, чтобы внутри было равновесие...

Старушка говорила очень медленно и размеренно. Голос ее был мягок и вежлив. Воображение тут же дало картинку, в которой она сидит в уютной гостиной с пылающим камином в окружении маленьких внучат и рассказывает им сказки. При чем не те стандартные столетние сказки, на которых

выросли мы сами и даже наши родители, а целые сказочные легенды, придуманные ей самой и, как правило, в единственном исполнении.

— Я Вас не понимаю..., о чем это Вы? В этом мире с каждым днем странных людей становится все больше... — я постаралась сыграть дурочку, но и сама поняла, что сделала только хуже. Потому что я была той, которая хочет сыграть дурочку и понимает, что у нее плохо получается, знает, что ее раскусили и все равно продолжает играть свою дурацкую роль до конца. Не смотря на всю странность ситуации, раздражившись до предела, и от этого еще больше разозлившись на себя, я поспешила к той, в ком заключался весь смысл жизни...

2

2011 год, лето

Вот интересно, чем же руководствовались наши предки, когда выбирали себе места для пристанищ? И чем же были подвижны их потомки, когда обустраивали эти пристанища, обычные поселения кочевников, в целые города? Неужели они на территории такой необъятной страны не могли подыскать место с более жизнеспособными климатическими условиями?

Стояла просто невыносимая жара... Солнце пекло так, что, наверное, на раскаленных под его лучами камнях можно было спокойно пожарить яичницу. Благо в доме наконец-то заменили вышедшие из строя, не выдержавшие нагрузки из-за круглосуточной работы, кондиционеры, и теперь образовавшаяся прохлада позволяла снова с комфортом наслаждаться всеми прелестями цивилизации. Четыре старых кондиционера по велению Алины и под моим чутким руководством были аккуратно выставлены мастерами – установщиками у мусорных баков. И я была права..., спустя каких-то полчаса, выбрасывая мусор, я обнаружила, что сломанных кондиционеров и след простыл. Боже, в какой стране мы живем?

Этот и те нелепые вопросы сами по себе периодически возникали в голове в процессе моего приготовления ужина.

Поймав себя на мысли, что размышляю о каких-то глупых вещах, я вновь все списала на негативное влияние знойной жары, стоявшей на протяжении целой недели, на работу моего мозга.

Вообще, согласна с высказываниями некоторых людей, честно не помню которых именно, у меня всегда были сложности в запоминании авторов тех или иных знаменитых, крылатых фраз и афоризмов, в том, что женская логика не подвергается никакому объяснению и анализу. Мысли о предках – кочевников каким-то образом перешли к мыслям о Карине, а от нее и к Айгерим. Размышляя о ней, я одновременно выкладывала необходимые продукты по меню, составляемому мной каждую неделю, и которого я всегда строго придерживалась, потому что так было удобно всем. Без готового перечня блюд на предстоящую неделю обязательно начинался хаос. То Карина или Алина «зависали» в поисках ответа, что бы им хотелось покушать, то одна или вторая называли блюда, для приготовления которых в доме не было необходимых продуктов. И в конце концов, они оставляли решение за мной, моментально принять которое для меня также всегда было труднейшей задачей. Этот опыт конечно пришел не сразу, но был придуман еще с детского возраста Каринки.

Так вот, выкладывая продукты, я с досадой обнаружила, что закончилась зелень, и теперь придется выходить в эту жару за ней в магазин. Сетуя на свою бестолковость, и раду-

ясь, что моей дочери она не передалась по наследству, я стала тщательно изучать меню на оставшиеся дни, чтобы закупить сразу все необходимые продукты и не выходить лишний раз из прохладной квартиры. Увлеченная столь важным занятием, я сперва не расслышала стуки в дверь, пока они не стали сопровождаться настойчивыми трелями входного звонка. На пороге стояла Айгерим, юная, красивая, с розовыми щечками, и улыбалась.

– Привет Мам. Как поживаешь? – Айгерим всячески старалась не выдавать своего волнения, она хотела выглядеть как можно более безразличной.

И действительно выражение ее лица не подавало ни намек на все эмоции, которые с бешеной скоростью сменяли друг друга внутри нее, и только голос, такой чистый и глубинный, выдавал порой самые раздирающие и бесконтрольные чувства. Ее голос временами дрожал, а иногда переходил в настоящий шепот, что казалось ей просто не хватает воздуха. Но дело было в другом. И мы обе знали об этом, и обе пытались скрыть, что понимаем тайный смысл сказанных ею слов.

– Привет, Айгерка. Ты меня застала врасплох, не ожидала увидеть тебя здесь..., но я искренне рада тебя видеть, дочка, – это было правдой и ложью одновременно.

Я действительно сильно скучала по ней, и в то же время я боялась и всячески избегала встречи с ней. Я понимала, что рано или поздно настанет день, и мне его не избежать и

придется ответить не только на все ее вопросы, но и ответить за все... когда-нибудь наступит моя расплата за свой циничный эгоизм.

Я потянулась ее обнять и поцеловать, но Айгерим довольно небрежно отстранилась и произнесла с усмешкой:

– Мама, не надо. Кому нужны эти телячьи нежности? Считай, что церемония приветствия у нас прошла успешно, – она говорила уже более спокойным голосом. Видимо, девочка тщательно готовилась и отрепетировала все возможные варианты. Я не стала ломать построенный ею ход событий, решила пока понаблюдать, к чему это приведет дальше.

Мы прошли на кухню, и чтобы не терять время впустую, а может быть больше из страха услышать то, к чему я была еще не готова, я взялась за приготовление ужина, повернувшись к ней спиной. Айгерим присела за обеденный стол и стала непринужденно грызть орехи.

– Когда ты приехала? – курица никак не хотела фаршироваться, и это начинало меня раздражать. Хотя я понимала, что дело вовсе не в курице. Руки не слушались и дрожали... мысли, что вертелись в моей голове, заволакивали мое сознание, и я чувствовала, что начинаю терять контроль над ситуацией.

– Вчера вечером, – непринужденно ответила Айгерим.

Увидев мой удивленный взгляд, продолжила:

– Ой, да все нормально, Мам. Было уже поздно, и я сразу поехала к Светке. У нее и заночевала. Ты же помнишь Свет-

ку?

– Но ты могла хотя бы позвонить... – как же отчетливо понимала я в тот момент, на сколько далеки мы были друг от друга. И снова чувство вины... это дурацкое чувство..., которое видимо будет преследовать меня до конца моих дней, чтобы я не делала, каких бы поступков не совершала, думая, что все во благо...

– Ну Мама, ничего же не случилось. Вот, я здесь, рядом с тобой, целая и невредимая,» – Айгерим грызла орешки и избегала встречного взгляда со мной. Я решила ее не мучить больше с расспросами. Не имела права...

– Хорошо. Я думаю, ты правильно сделала, что приехала. Я тут поднакопила немного денег, поедем «пошопимся» маленько, можно будет еще в кино сходить или даже в аквапарк. Как думаешь? Ты на сколько дней? Нам нужно распланировать время, чтобы все успеть. Тебе, наверное, еще и с подружками захочется встретиться... они ведь все в город переехали... – наконец закончив с курицей, я оглянулась.

Дочь смотрела на меня с широко раскрытыми глазами, а потом разразилась таким заливистым смехом, что невольно вызвало улыбку и у меня. Во истину, у нее был самый заразительный и прекрасный смех, который я когда-либо слышала...

– Аквапарк?! Мама! Ты действительно можешь представить нас вдвоем в аквапарке? Ой, не могу... Ну ты меня расмешила..., давно я так не смеялась..., ты бы еще предложи-

ла пойти в зоопарк, — она повернула голову к окну и какое-то время, все еще улыбаясь, взгляд ее был устремлен куда-то вдаль. Но внезапно ее лицо стало серьезным, как будто бы и не было только что этого заливистого смеха. Меня очень сильно насторожила и взволновала такая резкая перемена. — Я хотела тебе сказать... думала попозже... видимо, нужно сейчас... Я больше не вернусь к бабушке, Мам. Я приехала в город на совсем.

Медленно усаживаясь на табуретку напротив нее, я пыталась осознать смысл сказанных ею слов. В голове сразу стали возникать вопросы, догадки, некоторые были не самыми безобидными и «чистыми», но ни одни из них я так и не решилась произнести вслух. Судя по взгляду Айгерим, видимо, они и без того легко читались на моем лице.

— Тааак, приехали..., продолжай, слушаю тебя внимательно — я старалась быть спокойной, но одновременно я пыталась держать русло разговора под контролем, чтобы не дай бог он не мог зайти туда, чего я избегала годами.

Айгерим затараторила:

— Мама, пойми меня. Я не могу больше там жить, я задыхаюсь. Я не хочу... это не из-за бабушки, честно... Бабушка меня сама отправила к тебе, я не хотела без нее уезжать. Я, когда встану на ноги, обязательно заберу ее к себе. Она самый, самый дорогой мне человек на свете! Ой... прости, Мама... я не совсем это хотела сказать... Но ты не волнуйся, я тебе не доставлю хлопот. Светка согласна, чтобы я пожила

у нее, пока не подыщу жилье. Я собираюсь найти себе работу, сниму комнату... Но ты же понимаешь, что сразу работу найти очень трудно... ты не могла бы мне дать денег на первый месяц аренды за жилье? «Шопинг» мне не нужен, у меня все есть. Тем более не нужен никакой аквапарк... Мама, ну не плачь... я сейчас тоже заплачу... ну пожалуйста, Мамочка....

Ах моя прекрасная и уже такая взрослая Айгерим... если бы ты знала, что это слезы не от обиды или чего-то там подобного. Все то чувство вины, что годами размножалось в моей черной душе, вылилось в эти слезы в одночасье. Ты так еще юна, в твои семнадцать лет мир только-только станет открывать перед тобой свои двери, за которыми могут ждать, как и счастье, которого ты безусловно заслуживаешь, так и тяжелые испытания, которыми могла тебя наделить я своими эгоистичными поступками. Если бы ты знала... если бы я только могла повернуть время вспять... и тут, я все для себя решила... я была готова рассказать все, и снять наконец с себя это непосильное бремя...

– Айгерим, тебе не нужно жить у Светы. Нет. Ты не должна скитаться, ты...

– О, Айгерка, привет. Давно не виделись. Ты, когда приехала? Няня? А почему ты плачешь? Айгерка, это ты обидела няню? Что происходит? – это была Карина.

Она стояла, облокотившись о дверной проем и хлопала на нас своими красивыми идеально покрашенными глазка-

ми. Никто из нас не заметил ни, как и когда она зашла домой, ни, как и когда появилась в дверях кухни. Я смотрела на обеих девочек, таких красивых, таких милых и очаровательных. В голове метались мысли о превратностях судьбы, где две ровесницы, две чудесных девушки имели абсолютно разную жизнь, которая могла быть совсем иной, если бы я в них не сыграла свою неправильную роль.

– Привет, Карина. Никто никого не обижал. Просто мы с мамулькой разговорились по душам, ну... понимаешь..., как бывает между девочками, – Айгерим старалась говорить непринужденно, но ей это плохо удавалось, выражение неловкости ситуации заметно читалось на ее лице.

Карина, далеко не глупая девочка, этого конечно не упустила, но сделала вид, что поверила и начала дальше щебетать ни о чем, обниматься и целоваться с Айгерим и со мной, что еще более странно для нее, но все это было для того, чтобы сгладить эту дурацкую обстановку.

– Если ты не против, Карина, Айгерим могла бы поужинать здесь, а потом я ее провожу, – я старалась не смотреть ни на кого.

– О чем ты, Няня? Не говори глупостей, я тебя умоляю. Айгерим, мы с твоей мамой обычно хорошо понимаем друг друга, но иногда... она как скажет что-нибудь... – Карина закатила глаза. Она умела делать это так театрально и так красиво. Думаю, даже некоторые голливудские актрисы могли бы у нее поучиться. – Более того, могу я узнать, где ты

остановилась Айгерим?

– У подруги. Я побуду немного с Мамой и потом уйду. Извиняюсь за беспокойство.

– Какая еще подруга? Ты что?! Каждый день приезжаешь? Видим тебя «раз в сто лет», еще и у какой-то подруги останавливаешься... у нас столько свободного места. Останешься у нас дома. Няня, приготовь пожалуйста, одну из комнат для гостей.

– Нет, Карина. Это лишнее. Спасибо тебе большое, но мы не хотим причинять вам неудобства. Тем более, ты даже не спросила у своей мамы. Я не хочу, чтобы твоя мама волновалась по таким пустякам, – ненавижу оказываться в таких ситуациях. Но делать нечего... приходится прятать свою гордость глубоко внутри и испытывать все то же до боли знакомое чувство вины...

– Няня... ты явно сегодня настроена испытывать мое терпение... надеюсь, ты не забыла, что я здесь такая же полноправная хозяйка, что и мама? Представь, что Айгерим – моя давняя подруга, которая приехала ко мне в гости из-за границы и будет жить у меня дома. Все. Решено! Вопрос закрыт. Когда придет мама, предоставь разговор с ней мне. Я все улажу. И Няня... когда будет ужин? Я так голодна, ты просто не представляешь... – она снова закатила глаза.

– Я как раз ужином и занималась. Придется немного подождать, сегодня я отбилась от графика, – я попыталась улыбнуться, и по реакции девочек поняла, что лучше бы и не пы-

талась.

– Ну ладно... ждать, так ждать... Айгерка, пойдем я покажу тебе пополнение в моей коллекции кукол. С тех пор, когда ты видела их в последний раз, мноооого чего новенького появилось, – Карина схватила за руку Айгерим и потащила ее в свою комнату.

Я наконец-то осталась одна со своими мыслями и со своей курицей. Боже, что бы было, если бы не появилась Карина и я договорила то, что так рвалось из моих уст? Чему быть, того не миновать... значит, так должно быть... Ладно... пора готовить ужин.

2006 год, лето

В родительском доме было все также светло и уютно. Каждый раз переступая порог этого дома, ко мне возвращалось чувство защищенности и покоя. Энергетика мамы, пропитанная в каждом уголке, тут же вселялась в меня, и я, расслабленно погружаясь в нее, охотно принимая всю ее доброту и ласку, первые часы пребывания в доме не спеша наслаждалась наступающей благодатью.

– Как дела? Как работа? – мама тихо подсела на краешек дивана, на котором я умиротворенно разлеглась.

– Все нормально, мамочка. Алина с Кариной уехали отдыхать за границу. Она предложила поехать с ними, но я отказалась. Для меня это место лучше всякого курорта. Так что целых две недели я буду рядом с вами, – я взяла мамину мягкую, теплую руку и прижала к своей щеке. – Как у вас дела? Айгерка куда ушла?

– Она ушла с подружками в парк. Там какая-то ярмарка по рукоделию. Собрала все свои поделки и пошла продавать, – в голосе мамы явно прослушивались нотки гордости.

– Деловая... – проговорила я все, что смогло прийти в голову.

Мама посмотрела на меня укоризненно, встала и позвала меня на кухню помочь с приготовлениями празднично-

го ужина в честь моего приезда. Я состряпала кислую мину, от которой она вздохнула и молча ушла. Когда-то я была совсем не против ее молчания, ее выразительные взгляды всегда говорили сами за себя, но это время прошло, много воды утекло с тех времен. Кухня в доме была маминой территорией, и я знала, что стоит мне только туда вступить, как меня уже будет ждать какой-нибудь откровенный разговор. Будучи уверенной в этом на тысячу процентов, я все же пошла навстречу неминуемому и, конечно, была права.

– Динара, кызым, ребенку нужна мать. Пойми, как бы сильно я не старалась, что бы я не делала для нее, она все время думает и спрашивает о тебе. Более того, что бы она не делала, все связано с тобой. Даже сегодняшний поход на ярмарку имеет к тебе прямое отношение. Ребенок хочет накопить денег, чтобы переехать к тебе, и чтобы ты при этом не испытывала никаких неудобств. Конечно я хочу, чтобы она была со мной, но моя любовь к ней не может заменить материнскую. Ты же видишь, она – настоящее чудо! Но я не могу видеть, как она страдает. Ей так тебя не хватает... Вспомни себя в ее возрасте... у тебя и мама, и папа были. Может быть мы были не совсем такими, какими ты нас хотела видеть, но мы у тебя были... – мама продолжала еще что-то говорить, а я смотрела на эту женщину, бывшую когда-то очень красивой, и погружалась в свои воспоминания...

***

1987 год, весна

Мама действительно в молодости была очень красивой женщиной. Представляю каким успехом она пользовалась среди мужчин. Наряду с красотой моя мама была еще большим романтиком. Она видела добро и красоту во всем. И как самый наивный безнадежный романтик считала, что весь мир полон только добра, улыбок, в общем всего позитивного, что только может породить человеческое воображение. И людей вокруг себя она считала такими же романтиками и душевными. Видимо в силу своей широкой души она так и не смогла стать по-настоящему счастливой женщиной. Место в ее душе было абсолютно для всех, но не для нее самой. Хотя и окруженная большим вниманием мужчин, она верила в настоящую любовь... ее и ждала..., и она пришла.

Мой отец был также большим романтиком и умел быть настоящим джентльменом, чем естественно и покорила маму.

Это была красивая, неземная любовь. Она должна была вылиться в большую добрую семью, полную уважения, нежности и счастья. Но увы... Ложкой дегтя в этой медовой истории послужила смена режимов нашего государства. Свое детство я еще помню счастливым и безоблачным. Тогда дела у отца шли более-менее хорошо.

Дела... это громко сказано. Была самая обычная работа с самой обычной зарплатой на самой обычной должности инженера. Но нам с мамой этого хватало, и мы не жаловались. Глядя на неугасаемые трепетные чувства родителей друг к другу, и, хотя наша семья должна была расти чуть ли не до

вселенских масштабов, я была первым ребенком в семье... и единственным. После моего рождения маме удалили матку, и она была не способна больше рожать. Наверное, им было очень тяжело в тот момент, но они смогли пережить это вместе. И вся их нерастраченная любовь разлилась на меня одну.

Вот так мы и жили... пока однажды папа не пришел домой в невменяемом состоянии. Вернее, его привели домой его же коллеги по работе. Они и сами были не в лучшем виде, поэтому мама толком и не разобрала... то ли они отмечали чей-то день рождения, то ли грядущие изменения на работе, то ли просто решили расслабиться. Но в любом случае это было для нас неожиданно. Потому что папа до этого дня никогда не позволял себе доходить до такого состояния.

Спустя много лет, анализируя наши прошлые семейные отношения, я поняла, что его тоже распирало чувство вины. Глубокое, с каждым днем нарастающее в огромный ком в груди, чувство, которое со временем его же целиком и поглотило. Выходит, что у нас это на генетическом уровне заложенное состояние души, от которого нигде не спрячешься, и которое неминуемо тебя застигнет и будет преследовать до конца твоих дней. Но осознание этого открытия не делало мое состояние уравновешенным и не оправдывало мои поступки.

Так вот. Тот самый день стал переломным в нашей маленькой счастливой семье. Счастье стало понемногу исче-

зять в небытие, в точности как ускользает песок между пальцами рук. Как выяснилось, мой отец не обладал той степенью везучести и шустрости, с которой другие люди вокруг добивались тех или иных успехов, и мы без остановки, порой даже с увеличенной скоростью, катились вниз по социальной лестнице уже демократического общества. В итоге, в рамках инстинкта само выживания нам пришлось продать квартиру и переехать из большого города в городок, расположенный от него в нескольких десятках километрах. Родителям на тот момент это решение казалось самым верным и правильным. В этом маленьком городке, естественно, отцу работы не нашлось, да и попыток ее найти он особо не предпринимал.

Безысходность и появление неожиданных совсем не благоприятных обстоятельств делает некоторых людей только сильнее, находчивее, укрепляет их дух, внутренний стержень. Мой отец к таким людям, к сожалению, не относился... наоборот, все, что с ним в тот период жизни происходило, он считал каким-то роковым стечением обстоятельств, чуть ли не карой небесной, и предпочитал наблюдать со стороны, как его же жизнь легко катится под откос. И понеслась его душа в рай... и рай он увидел на дне стакана...

К другому моему великому сожалению, и моя мать также не принадлежала к тем людям, со стержнем внутри. Но она, по крайней мере, не искала утешения в бутылке, а просто тихо работала учителем математики в местной школе. Прожить достойно на заработную плату учителя математи-

ки, единственный в то время источник дохода, было просто невозможно. Нам еще повезло, что семья наша состояла всего лишь из трех человек. Наверное, здесь уместно было бы применить пословицу по отношению к маминой бесплодности: «Все, что не делается, все к лучшему». Да уж... черный юмор... Вот так и наступили времена, когда нам приходилось попросту выживать. Если были дни, когда мы помимо хлеба и вермишели могли позволить себе сливочное масло и молоко, то это были особенные дни. В моем детском наивном сознании я считала их настоящими праздниками.

Но жить впроголодь – это было еще полбеды. Видите ли, у меня, как и у любого другого ребенка была одна склонность, которая практически постоянно «так не вовремя» давала о себе знать. Мое тело росло. А значит некогда пригодные вещи и обувь с пометкой «вполне приличненько, можно еще походить», как бы мама (папе к тому времени уже было абсолютно наплевать) не старалась дотянуть до последнего, все же ей приходилось мириться с реальностью и признавать, что пора где-то доставать замену.

В силу ли сложенных на тот момент обстоятельств, или же в силу моего характера, я была очень тихим, аккуратным и послушным ребенком. Моя комната всегда была в идеальной чистоте. Хотя называть ее комнатой, конечно, для нее слишком большая честь, но все же, в нашем доме у меня был свой уголок. Я так сильно дорожила этим своим личным пространством, что каждый раз вздрагивала, когда на горизон-

те появлялся какой-нибудь «родственничек». Но мама хорошо улавливала все мои слежения и прислушивания и делала всегда так, что никому и в голову не приходило погостить на моей территории.

Если ты родился в моей стране, то ты прекрасно понимаешь, что означает появление близких ли, дальних ли родственников на пару дней. Погостить всего лишь пару дней, это как все равно, что, если бы переступить порог дома, в который приехал, и снова уехать восвояси. Под «парой дней» как правило подразумевалось минимум неделя, а то и больше. И не приведи господь, если при наступлении даты икс, ты не предложишь этому самому гостю остаться подольше. Если честно я бы так и поступала, а еще лучше, вообще не открывала бы дверь. Ну и что, что у нас в жилах течет одна кровь, я никому ничего не должна... так бы сделала я, но не моя мама.

Моя мама – воспитанная и умная женщина, ей плохо – она улыбается, ей больно – она напевает песни, она валится от усталости и при этом накрывает гостям дастархан. Моя мама – великая женщина, которая достойно пройдет все круги ада и умрет. Моя мама – глупая женщина, привыкшая всегда и во всем приносить себя в жертву. Так и с родственниками, после нашествия которых мы могли неделями кушать только хлеб и пить чай, она не могла поступить иначе.

Вот так мы и жили серой, абсолютно безрадостной жизнью, в которой единственным пробуждением время от вре-

мении являлись пьяные выходки моего отца. То сочувствующий сосед, обнаруживший его спящим на лавочке, мог приволочь домой. То участковый полицейский с угрожающими нотками в голосе рекомендовал маме немедленно забрать его из какой-нибудь пивнушки, где он также, приняв определенную дозу своего «нектара», мирно спал за столиком, никому не мешая. То он сам, что было очень редко, по дороге домой воспевал на всю улицу непонятные серенады или, наоборот, обливал грязью правительство и чиновников, всех подряд, за все подряд.

Что бы вообще не происходило в нашей жизни, одно я понимала точно. Все, что так или иначе было связано с моим отцом, заставляло маму сгорать от стыда. Заставляло ее прятать глаза от людей, неважно знакомых или нет, от всех людей и всегда ходить, потупив взор на землю. Наблюдая, как ей приходится жить, я начала ей подражать, и кажется с великим успехом превзошла свою мать в развитии в себе целой охапки самых невероятных комплексов. И случилось то, что случилось...

Был сильный ливень, капюшон не спасал, резкие непрекращающиеся ни на секунду капли больно хлестали лицо и уходили вниз под одежду. Ну почему так холодно и мерзко? Когда же долгожданная весна отобьет свои законные права на существование? Так хочется тепла, так хочется греться на солнце... Зонта, разумеется, не было. Откуда у девочки из бедной семьи мог быть такой ненужный предмет роско-

ши? Хотя никто и не ждал меня в школе – вполне логичный результат политического хаоса в тот переломный для нашей страны период, кроме конечно матери, я все же предпочла быть там, чем оставаться дома, в котором отсыпался после очередной пьянки отец. Подбегая к зданию школы, я не заметила небольшой ямы на пути, вернее яма сама по себе была очень даже заметна. Но я так торопилась спрятаться от дождя, что неслась на всех порах, несмотря ни на какие лужи. И вот, бегу я, и вижу, как на входе под козырьком стоят два «дежурных» старшеклассника...

Хочу немного отвлечься от сюжета и поподробнее рассказать об этой «фишке» – «дежурные по школе». Это одна из особенностей уклада нашего необъятного государства. В каждой школе в каждом месяце учительским советом выбирался дежурный класс. И только ученики с хорошей успеваемостью могли попасть в списки дежурных по школе. Дежурный по школе – это такой ученик, который освобождался от посещения части занятий, цеплял на себя красную ленту на руку, дабы отличаться от всей остальной серой массы, и обладал самыми высокими полномочиями, которые только возможны для наведения порядка в стенах Альма-матер. Но ведь никому не секрет, что самыми жестокими существами на земле являются дети. И неважно какая у тебя успеваемость, если в тебе не заложено чувство сострадания, ты можешь легко совмещать в себе отличника и садиста одновременно.

И вот, представьте себе дежурного по школе с садистскими наклонностями... звучит уже страшно, да? Хотя не все дежурные были жестокими грубиянами, но, поверьте мне, таких было не мало. Ведь как легко потерять голову, а не созревшим, еще только обретающим жизненный опыт юнцу или девице, и того более потеря разума легче от ощущения всеобъемлющей власти, пусть даже в таком тесном мирке под названием «школа». И также легко можно представить, как они, те самые блюстители школьного порядка, заряженные соревновательным духом, изощрялись в своих издевательствах...

И вот, бегу я, и вижу, как на входе под козырьком стоят два «дежурных» старшеклассника. Они стояли по обе стороны от двери, так, что никто не смог бы пройти мимо них не замеченным, стояли и проверяли всех учеников на предмет наличия сменной обуви.

Не стану уделять большого внимания на еще одну фишку нашей страны как «сменная обувь». Отмечу только то, что «сменка», как мы ее называли в обиходе, требовалась всегда, без исключений. Осенью она нужна была для защиты школьных полов от пыли и грязи, зимой – от талой воды и той же грязи, весной – снова от пыли и грязи. Отдельная «сменка» нужна была на урок «физической культуры», ходить в спортивной обуви по коридорам на другие занятия было строго запрещено. И, естественно, дежурным по школе любые запреты были только на руку.

Уже на бегу, видя картину у входа в школу, ко мне пришло озарение, что я свою «сменку-то» забыла дома, и что только самая большая удача позволит мне как-нибудь незаметно прошмыгнуть внутрь, поскорее подальше от этого мерзкого мокрого-при-мокрого дождя... и тут... я наступаю на эту спрятанную под водой ловушку в виде ямы, спотыкаюсь, и лечу вперед прямо лицом... я летела и видела, как все замерли и наблюдали мой полет, полет этакой гордой птицы. Все происходило как в замедленной съемке, я успела поймать на себе каждый взгляд и даже определить, что он означает. Конечно, ни один из этих взглядов ничего хорошего не означал... Только в одном мне повезло – мое лицо не пострадало, а вот все остальное...

Медленно поднимаясь под разрастающийся всесторонний смех, я ощутила невыносимую боль на коленях и локтях. Слезы сами текли из глаз, но они текли больше не от боли, а от смущения и обиды. Меня даже не так сильно волновали ободранные последние колготки, как то, что я в очередной раз стала объектом насмешек и кривых взглядов, что в очередной раз я сама позволила выставить себя посмешищем перед всеми. Я даже не могла полностью отдаться своим слезам и стряпать всякие некрасивые гримасы, которые обычно произвольно возникают на лице в процессе «плакания». Нет, мое лицо не выражало ничего, абсолютно ничего, только слезы текли сами по себе, их я еще не научилась контролировать, но ведь был дождь, под струйками которого они

легко прятались. Я встала, подобрала улетевшую в соседнюю лужу сумку, медленно поднялась по ступенькам и у самой двери увидела руку, преграждавшую мне путь внутрь.

– В таком виде в школу нельзя!

По выражению его лица можно было прочесть куда более красноречивый текст. Его глаза так и горели желанием причинить боль или просто унижить. Обычно, я старалась не провоцировать дежурных еще больше, старалась незаметно улизнуть или хотя бы отвлечь на другие темы. Но в этот раз... мой мозг был слишком возбужден случившимся, мой внутренний голос во всю глотку кричал мне наконец-то взять себя в руки и начать уважать себя, мое сознание донесло до меня мысль, что пора устроить этот бунт, что уже давно пора... Это сейчас, спустя много лет, я понимаю свои ощущения и могу их описать, но тогда... тогда, я была маленькой девочкой, со своими «девчачьими» секретами, со своими тараканами в голове, и у меня не было мамы – подруги, была лишь мама – смирившаяся со всем женщина и потерявшая всякий интерес к жизни. И эта маленькая девочка, испытывая внутри бурю эмоций, внезапно решила со всей, которой только возможно, силой отдаться клокочащим внутри волнениям и будь что будет...

– А то что? Ты, действительно, считаешь, что сможешь меня не запустить? Ты думаешь, что я сейчас готова развернуться и уйти снова под этот ливень? Убери руку и дай мне пройти...

– А то что? Да, я уверен, что дальше моей руки ты не прой-
дешь.

Не тут-то было, мои слова не подействовали так устрашающе, как я старалась их произнести, они вообще никак на него не подействовали. Но если я отступлю сейчас, то навсегда останусь на коленях в той луже, и уже никогда, никогда не смогу подняться...

– Мне плевать на то, в чем ты уверен... посмотри мне в глаза и найди в них что-нибудь, что я могу еще потерять... Если не убережешь свою костлявую ручонку, я выцарапаю тебе глаза или еще хуже перегрызу тебе горло, но не здесь и не сейчас... потом... когда ты не будешь этого ждать, и твоя в принципе уже далеко не смазливая мордашка превратиться просто в месиво... Готов проверить? – видимо что-то действительно было в моем взгляде, или мои слова вдруг обрели величайшую силу убеждения, но его рука начала медленно сползать вниз.

– Ладно иди, боллльная... Тебе просто повезло, что у меня хорошее настроение...

Он еще выкрикивал что-то в след, но мне, пробравшись внутрь, уже стало наплевать на все вокруг. Я летела со всех ног, рискуя снова упасть на глазах у слонявшихся туда-сюда учеников, ожидающих звонка на урок. Перепрыгивая через две-три ступеньки вниз за раз, я влетела в небольшую комнатку, скорее даже коморку.

В ней не было окон, не было мебели, кроме небольшой

самодельной кушетки вдоль стены и старой тумбочки, на которой стояла также самодельная лампа и освещала площадь вокруг в радиусе буквально на полметра, не более. Комнатка была узкой, такой, что если рядом с кушеткой поставить еще одну такую же, то две кушетки занимали бы место от одной стены к другой, прижатые вплотную друг к другу. Вместе с тем комната была довольно продолговатой. Если на одной ее половине размещался этот самодельный лежак с тумбочкой, то другая ее половина была загромождена всяческим «дворничьим» инвентарем. Да, это была рабочая коморка нашего школьного дворника, Тети Нади, она же была по совместительству и сторожем.

Коморка была пуста, кушетка была небрежно заправлена каким-то грязным одеялом. Ничего из того, что в обычной ситуации у меня могло бы вызвать лишь отвращение, ни грязь вокруг, ни затхлый запах, меня не волновали вовсе. Я сбросила на край кушетки мокрую до ниток куртку, уселась рядом и подняла, согнув в коленях, ноги, чтобы упереться к ним лицом, закрыть себя со всех сторон руками. Не знаю сколько времени я так просидела, но потихоньку напряжение, сковывавшее меня всю изнутри, стало меня отпускать, и я дала волю своим чувствам. Первым делом снова слезы покатались по щекам, жгучие слезы набирали свои обороты и лились, не останавливаясь. Я плакала навзрыд, заглушая своим ревом все вокруг, не слыша никаких других звуков, кроме того, что вырывался из моей груди.

Я вздрогнула, ощутив чье-то прикосновение по спине, резко подняла голову и увидела Тетю Надю. Она сидела рядом и молча гладила меня с той нежностью, с которой только были способны ее огрубевшие от тяжелой работы руки. Мы не были близки, как могло показаться вначале. Я была обычной ученицей, которая также, как и все, проходила мимо нее, иногда даже не замечая вовсе. А порой, погруженная в свои мысли, я просто наблюдала за ней из окна. Но никогда я не думала о ней как об отдельной личности. Для меня она была лишь неотъемлемой частью школы. Я знала про ее комнату, расположенную в подвале здания, и сегодня оказалась там впервые. Что-то на уровне животного инстинкта самосохранения привело меня сюда. Почему-то, мне казалось, что именно здесь мне будет безопаснее и спокойнее всего.

– Поплачь, тебе станет легче, – на удивление она говорила очень мягким и тихим голосом, и взгляд ее был таким добрым, таким полным нерастраченной любви.

Если бы у нее была семья, дети, внуки, она была бы идеальной бабушкой. Той бабушкой, к которой всегда хочется прижаться, и от тепла которой можно забыть про все проблемы на свете. Я знала, что она одинока. Знала, что у нее никого родного на этом свете нет. Вспомнив об этом, я на минуту забыла о своих переживаниях, и мне стало ее таааак жаль... И я ее обняла... мы сидели так какое-то время, пока я не поняла, что нам обоим так сидеть вовсе не удобно, хотя она молча сидела и не пыталась отстраниться. Наконец,

я отодвинулась и положила голову ей на колени, она начала гладить меня по волосам. Слезы еще текли из глаз, но это были уже остатки истерики, я закрыла глаза и начала успокаиваться. Энергия доброты, которую она излучала, постепенно влилась в меня, и я уже не чувствовала мир вокруг таким жестоким и мрачным.

– Можно я еще побуду здесь немного? У меня колготки порвались... – боясь услышать отказ, я не решалась взглянуть ей в глаза, уставилась на пол.

– Оставайся, девочка моя, столько, сколько тебе нужно. Я схожу за нитками, заштопаем твои колготки, будут как новенькие, – тетя Надя попыталась улыбнуться, и у нее это совсем не получилось. – Только знаешь... мне... нужно сказать твоей маме, что ты здесь... она волнуется....

Мама... Как же я могла забыть про нее? Она просила принести тетрадки, которые забыла дома, вот балда... А если она сюда придет и увидит меня такой? Она увидит эти дырки на колготках... нет... только не это... а как же тетрадки? Ей тогда придется снова сидеть полночи и работать...

– Хорошо. Передайте ей, пожалуйста, вот это, – я вытащила из сумки тетради. Как хорошо, что они не пострадали. Хоть что-то хорошее за сегодня. – И еще..., передайте ей, пожалуйста, чтобы не волновалась, что со мной все в порядке.

Тетя Надя ушла. Я снова осталась одна со своими мыслями и новыми тараканами. Но одна я была совсем не дол-

го. Внезапно дверь сильно распахнулась и влетела моя мама. Она начала трогать меня везде... Было больно, когда она прикасалась к локтям и коленям, но я мужественно терпела и не показала свою боль, вернее, я так думала, что не показываю, как мне больно. Потом она начала меня целовать, обнимать, снова целовать, и так много-много раз.

– Я искала тебя по всей школе... Они сказали, что ты сильно упала. Ты цела? Где болит? Почему ты не пришла ко мне сразу? Я же твоя мать! Почему ты не пришла ко мне? Кроме тебя у меня ведь никого нет! Почему ты молчишь?

– Потому что ты не даешь мне произнести ни звука. Я не могла прийти к тебе...

– Но сюда же ты смогла прийти! Почему ты предпочла это место мне?!

Повзрослев, я сейчас понимаю смысл всех этих вопросов. Моя мама была уязвлена до глубины души. Ее захлестывала обида за то, что я не обратилась за помощью к ней. Она меня ревновала... Но тогда, еще совсем не опытной девчушкой, я не понимала... ничего не понимала. И даже больше... я злилась, что она никак не может понять меня. Как я могла подняться к ней в учительскую в тот день? Все, абсолютно все говорило против меня. Грязная порванная одежда, грязное лицо, грязная обувь – я нарушила огромное количество запретов, я – дочь учителя этой самой школы. Люди, не только коллеги–учителя, но и некоторые родители, и их знакомые, и так шушукались у нее за спиной. Ведь у нее такой муж... а

тут еще я.... Меня бесило, что она не видит столь очевидных вещей, что она до сих пор прячется за пеленой своих розовых очков, что она просто не хочет ничего замечать...

— Сюда смогла, и если Тетя Надя разрешит, буду ходить... а к тебе не захотела и не захочу! ... я вообще не хочу быть там, где ты! ... я... — я хотела высказать свое возмущение, как может моя родная мать ждать от меня еще больших унижений и позора, как она не может понять, что я уже стою на краю пропасти, куда целенаправленно улетают мои гордость и достоинство и тянут меня за собой, но слова застряли в глотке.

Я увидела, как исказилось до неузнаваемости мамино лицо. Это была резкая перемена во всем, в глазах, в ноздрях, в уголках губ, абсолютно во всем произошла молниеносная деформация. Такое бывает, когда человек испытывает внезапную боль, или чувствует отвращение от чего-то увиденного, или застывает в ступоре от чего-то ужасного. В этот момент окружающие, видя подобное выражение лица, готовятся услышать какой-нибудь душераздирающий крик. Но моя мама не произнесла ни звука... ее лицо выражало нестерпимую боль, отвращение и ужас от услышанного одновременно, и она молчала...

Именно в тот момент небеса разверзлись, и неведомая сила неистово ударилась о землю, и меня зажало словно в тиски, от которых невозможно было вырваться и оставалось только смиренно ждать, когда же ослабеет хватка вселенной,

и спасительный воздух снова дарует жизнь... я увидела мамины глаза... Вернее, то, что, я увидела в ее глазах... я увидела, как ее уже израненное сердце раскололось на еще более мелкие частички, и они разлетелись по всем уголкам ее страдающей души... я увидела в ее глазах, как еще одна искорка надежды, что в этом мире могут свершиться чудеса, и мир вокруг снова может стать хорошим, ярким и красивым, потухла навсегда... потухла от яда, который я так необдуманно, совершенно легкомысленно и даже жестоко выплеснула. Я готова была разорвать себя на части, вырвать свой язык, лишь бы вернуть все сказанное назад и никогда, никогда больше не видеть маму такой. Но все, что я могла вынести из той ситуации, так это то, на сколько смертельно губительной может быть сила слов, на сколько одной лишь фразой можно уничтожить человека, близкого и родного...

– Мама, Мамочка, я не это хотела сказать... я совсем не это имела ввиду... – я смотрела ей в глаза и говорила тихим шёпотом.

Слезы с новой волной хлынули по щекам и заволакивали все вокруг. Мне было страшно, что из-за меня, из-за моей тупости случилось непоправимое. Мама медленно закрыла глаза, она не плакала и также не издавала ни звука. Постепенно ее лицо стало приходить в обычное отрешенное состояние. Потом она посмотрела на меня.

– Все в порядке. Ты тут посиди немного, отдохни... и иди домой. К сожалению, я не могу пойти с тобой, меня ждет

класс, — она говорила спокойным ровным голосом, но я ощущала целую бездну между нами, которую только что сама создала, и, наверное, которая останется между нами навсегда.

Когда мама ушла, прикрыв за собой дверь, какое-то время я сидела, подогнув ноги в коленях, обхватив их руками, раскачиваясь из стороны в сторону. Тетя Надя попыталась незаметно войти, но мы столкнулись глазами, в руках она держала нитки с иголкой. Видимо, мой взгляд не предвещал ничего хорошего, потому что ее глаза выражали испуг. В этот момент я ненавидела весь мир и ненавидела себя вместе с ним. Я знала, что она не станет задавать вопросов, и все же предпочла одиночество. Проговорив что-то сумбурное и непонятное себе под нос, а в моем случае я хотела поблагодарить ее и извиниться за беспокойство, я вышла наконец из комнаты.

Шел урок, поэтому коридоры школы были пусты, и мне шло довольно легко и спокойно. Как раз то, что нужно. Дождь прошел, в окнах коридора я видела, что погода прояснилась и всюду светило солнце. Настроение немного улучшилось, долгожданная весна... Я вышла на крыльцо и вдохнула всей грудью. Мне действительно не хватало чистого воздуха, то ли от пережитых эмоций, то ли от вакуумной и грязной каморки, не важно, я дышала и наслаждалась этим. Позволила себе даже слегка улыбнуться. И конечно, в этот момент прозвенел звонок на перемену... эхххх... не дали даже вдоволь насладиться... Про прыгав по ступенькам вниз,

я побежала за угол здания. Только за углом, почувствовав себя в относительной безопасности, я замедлила шаг. Я четко помню, как в тот момент из ни откуда появилось ощущение, что жизнь, моя еще пока такая короткая и уже такая серая жизнь, начинает обретать краски, хотя все ранние предпосылки и обстоятельства говорили об обратном. Даже порванные колготки отошли на второй план и ничего больше меня не волновало.

– Динарка, привет. Ты «че» тоже «свалила» с уроков? Как так? Ты же у нас правильная вся такая, совсем на тебя не похоже, – это была Лаура, моя одноклассница. Самая дерзкая девчонка во всей школе. Все мечтали с ней дружить, даже старшеклассницы старались быть с ней в хороших отношениях. Но парадокс был в том, что Лаурка вела себя нагло только по отношению к зарвавшимся ученикам, к которым относились и наши знаменитые дежурные, и к некоторым учителям, которые всех без исключения учеников воспринимали за пустое место. А еще, Лаура была интересна тем, что, хотя и была дерзкой, наглой девчонкой, никогда не вела себя вызывающе. Ее дерзость, скорее, была защитной реакцией на нападки из вне.

Она сидела на лавочке во дворе дома, через который мне вздумалось пройти, дабы сократить путь домой. Таких многоквартирных домов в нашем городишке было очень мало. И один из них находился на моем пути от дома к школе и обратно. В принципе это был мой ежедневный путь, самый

короткий и самый безопасный. Вернее сказать, она сидела на высокой спинке этой самой лавочки. Ведь лавочка была мокрой после дождя и сидеть на ней было просто невозможно. Рядом с ней находились еще две девочки с параллельного класса. Их имена я не помнила, потому что они для меня не придавали никакого интереса. Но я знала, что они втроем были самыми близкими подругами.

– Да, я упала и порвала колготки. Теперь иду домой. Сегодня школа для меня закончилась, – я уже собралась было идти дальше.

Лаура же решила продолжить разговор:

– Не хочешь с нами посидеть? Для нас тоже школа сегодня закончилась.

Они втроем начали заливисто смеяться. Я не поняла в чем заключался сарказм сказанного и начала уже примерять это в виде насмешек над собой.

– Не вижу ничего смешного...

Я сжала кулаки и уже настроилась вступить в схватку с кем-нибудь из них, а может и со всеми вместе. Все равно. Сегодняшний день итак уже ничем не испортишь, даже если надают тумаков и появятся синяки. Мне, действительно, было абсолютно все равно.

Увидев мой хмурый взгляд, девочки резко перестали смеяться. Взгляд двух из них постепенно начал выражать страх. Да, именно страх я прочла, но только не поняла за кого, за себя или за меня. Потому что Лаура медленно сошла со ска-

мейки и вплотную подошла ко мне. Она довольно долго что-то изучала глубоко в моих глазах. Во истину, спустя столько лет, я понимаю, что эта девочка была не по годам мудрой и сознательной.

– Ты неправильно все поняла. Мы не над тобой смеялись. Нас сегодня всех троих не запустили в школу, потому что мы забыли «сменку». И когда мы уходили, этот мерзкий дежурный Бахыт крикнул нам вслед, что для нас сегодня школа закончилась, не начавшись. Мы посмеялись ему в лицо и ушли. А когда ты нам сказала то же самое, мы подумали, что он и тебе так вслед выкрикнул, – она говорила мягко и очень даже дружелюбно. И мне стало стыдно, что я могла подумать про нее так плохо. Ведь на самом деле, мы до этого момента никогда не сталкивались, я всегда считала, что Лаура меня просто на просто не замечает.

– Извини, Лаурка. У вас утром был мерзкий Бахыт, а у меня все утро было мерзким и плюс к нему еще мерзкий Бахыт, – тут уже мы все вчетвером засмеялись во весь голос. – Я бы посидела с вами, – продолжила я, еще улыбаясь, как только мы перестали смеяться, – но мне не удобно с дырками на коленках. Хочу побыстрее переодеться...

– А мы можем пойти с тобой и подождать, пока ты переодеаешься, а потом пойти погулять. От твоего дома, кажется, и парк не далеко, – Лаура и не думала отступать. Меня это и не напрягало. Хотя я и хотела побыть одна, успокоиться, привести мысли в порядок, в порядок так, как это смогла

бы сделать достаточно наивная девочка-подросток. Все же, я подумала, что прогуляться по парку с Лаурой, мне будет куда полезнее, чем торчать в своей комнате по соседству с отключенным в пьяном угаре родителе.

– Хорошо. Пойдемте.

По дороге домой девочки болтали без умолку. Было интересно наблюдать за ними и понимать, что они настолько близки друг другу по духу, что порой даже читают мысли друг у друга и легко продолжают предложение, начатое кем-нибудь из них. И юмор у них был на мой взгляд, тот взгляд девочки-подростка, очень даже острым и смешным. Мне было легко и весело в этой компании, хотя я всю дорогу не проронила ни слова, а всего лишь глупо улыбалась.

Стараясь не шуметь, я проскользнула в свою комнату, одела свои единственные джинсы и также тихо выскочила на улицу. Девочки стояли у ворот и о чем-то тихо переговаривались. Я не стала спрашивать, почему они говорят шепотом, все равно это было не важно. Ведь теперь я чувствовала себя куда более комфортно и с большим нетерпением хотелось уйти подальше от дома, чтобы они случайно не увидели моего отца.

Стало намного теплее, чем утром, солнце вовсю заявляло о своих законных правах. От этого настроение только улучшалось. Подходя к главным воротам парка, мы увидели, что в нем достаточно много народу. Там были, как и обычные прохожие, спешащие по своим делам и решившие сократить

свой путь через парк, так и своего рода «бездельники», которые, не имея в те смутные времена постоянной работы, или так же, как и мы прогуливавшие школьные уроки, решили провести такой хороший солнечный день в парке.

Пройдя мимо человека непонятного возраста, продававшего местные яблоки, которых было полно чуть ли не в каждом саду каждого дома, мы стали высматривать свободные лавочки. Почти все были заняты или вообще сломаны, и на их местах находились лишь боковые железные укрепления, вкопанные в землю и залитые бетоном, из-за чего, скорее всего, никто не мог их ни выдернуть, ни просто сломать. Увидев, как толпа мальчишек освободила одну из уцелевших скамеек, мы сразу побежали к ней, чтобы успеть до того, как кто-нибудь другой, рядом стоящий, не решил ее занять.

На другой скамейке, напротив «нашей», лежал мужчина. Он лежал, отвернувшись к спинке, вся его одежда была очень, очень грязной и местами порванной, обуви у него не было совсем. По его седому затылку и внешнему виду можно было предположить, что мужчина был не молодым и скорее всего, был бездомным пьяницей. Так и укрепив в себе мнение, что напротив нас лежит «бомж», другой мысли в голову даже и не приходило, мы потеряли к нему всяческий интерес.

Лаура начала рассказывать нам о недавно прочитанной книге, в которой было написано о группе мальчиков, самых верных друзей. Эти мальчики всегда ходили вместе, и если

хоть одного из них не пускали в школу, то вся компания также пропускала занятия. Но эти мальчишки не тратили, как мы, время впустую. Они были своеобразными благородными рыцарями своей эпохи, постоянно оказывая помощь людям, в основном пожилым старикам по хозяйству. Также она рассказала, что они придумали себе специальную клятву и испытание для тех, кто хотел влиться в их ряды, и что ей эта идея очень понравилась, и она подумывает что-то из этой книжки использовать в жизни. Мы слушали Лауру, разинув рты. Она умела рассказывать интересно, на забывая про детали, но и не загромождая свой рассказ ими. С каждым ее предложением в мозгу включалось воображение и возникали яркие картинки, словно в кино.

— А давайте, начнем с Динки и устроим ей свою проверку, — прервав Лауру, проговорила Лариса. Вернее сказать, Лара, как она себя называла и заставляла всех ее так называть. Вторая подруга Лауры была Карла, что было сокращением от имени Карлыгаш. По дороге в парк Карла предложила называть меня — Дина — на что я была совсем не против. — ну что, Дина, пройдешь испытание? Ты же как раз сегодня зашла в нашу компанию, проверим тебя.

— По книге испытание должны проходить те, кто хотел сам влиться в команду. Да и команда была совсем другая, они помогали тем, кто в этом нуждался. Вы же ничем подобным не занимаетесь... — я попыталась противостоять. Мне вовсе не хотелось проходить какие-либо испытания. И в то же вре-

меня в меня проник страх, что из-за этого Лаура не станет со мной больше дружить, а этого мне очень не хотелось.

– Я думаю, прежде чем требовать кого-то пройти проверку на надежность, каждая из нас должна сама ее пройти, – Лаура как всегда была мудра не по годам.

– О, прикольная мысль, Лаурка. Давайте придумаем что-нибудь и пройдем все вместе, – все не унималась Лара. – Есть идеи?

– Нужно что-то такое, что сделать будет сложно, а может быть даже и опасно, – проговорила Карла.

И тут они, вдвоем с Ларисой, стали предлагать самые немысленные примеры. Была идея поджечь школу, или разгромить какой-нибудь магазин и все отдать нуждающимся, были мысли убить какое-нибудь животное и всем выпить его кровь и много абсолютно безрассудных идей возникало в воображении девочек. Даже появилось предложение угнать самолет, вот только проблема была в том, что мы хоть и считались жителями города, в нем не было никакого аэродрома и самолетов тем более. У девочек затея уже начала перерождаться в своеобразную игру – чье воображение красочнее.

– Давайте, каждая из нас пойдет и плюнет на того бомжа, – прервала их Лаура, не отрывая глаз от человека, напротив. Она говорила очень серьезно, может быть даже с какой-то ноткой злости.

Внезапно образовалась тишина.

Я понимаю свое недоумение в тот момент. Ведь сказанные

только что слова никак не вязались с тем мнением, которое у меня было в отношении Лауры. Но, видя удивленную реакцию ее близких подруг, я поняла, что Лаура действительно сказала что-то, чего от нее никто не мог ожидать. Возникшая неловкая пауза достаточно затянулась, никто из нас не решался ни согласиться, ни возразить.

– Да ладно вам! Это же прикольно. В этом нет ничего страшного. Ну давайте... – Лаура изображала веселье, хотя глаза продолжали оставаться серьезными.

– Давай, – первая согласилась Лара, – но только после тебя.

– Легко.

Лаура резко соскочила со скамьи и пошла напрямик к лежащему человеку. Остановилась рядом. Он все также лежал, отвернувшись лицом к спинке скамьи, спиной ко всему, что происходило вокруг. Лаура посмотрела на нас и демонстративно плюнула на него.

Я до последнего момента была уверена, что именно наша реакция на ее предложение и есть та самая проверка. Я думала, что Лаура проверяла, на сколько легко мы можем согласиться с ней. Но, увидев ее плевков, стало понятно, она не шутила. Она была решительно настроена и довела все до конца. Только некоторое время спустя, узнав, что и ее отец, также, как и мой, очень увлекался алкоголем, я вспомнила этот самый день. Но ее жизнь, хотя и не мне судить, была хуже моей, ее мать также искала утешения от трудной жиз-

ни на дне стакана. И в то время, оставаться Лауре на плаву, даже больше, не умереть, помогала тетя, младшая сестра ее матери. И тогда все встало на свои места. Я поняла злость в ее глазах, и поняла, что она чувствовала в тот момент.

Следом за ней Карла и Лара подошли к мужчине и плюнули на него. Их лица были невозмутимыми. Этот поступок для них, скорее всего, приравнивался к таким, как, например, отломать ветку дерева, или нарвать яблок в чужом саду. Как бы неправильно, но и не смертельно. Угрызениями совести они явно не собирались мучиться.

Очередь была за мной. Я медленно пошла в сторону намеченной цели. Мужчина немного пошевелился, и я замерла. Это не было страхом, почему-то я его не боялась. Это больше было осторожностью и желанием остаться для него незамеченной. Увидев, как он перестал шевелиться, я продолжила свой путь. Его одежда была ну просто ужасной, покрытая толстым слоем грязи, вся изодранная. Складывалось ощущение, будто его пропустили через центрифугу и обвалили в грязи. Чем ближе я подходила, тем отчетливее слышала стон человека. Он все еще лежал спиной к миру и тихо стонал. Если бы от него не исходил так ненавистный мне явный запах спиртного, я бы могла подумать, что этому человеку плохо, что он страдает как от физической, так и душевной боли. Но это был обычный пьяница, который сам себя загнал в такое положение. Я посмотрела на девочек, посмотрела на лежащего человека, собрала всю слюну, которую

только могла и плюнула ему в лицо. Дело сделано, испытание пройдено, но в душе почему-то не было ощущения легкости и удовольствия. Наоборот, какой-то новый груз повис на сердце, что-то щемящее и никак не проходящее. Я развернулась и пошла к девочкам.

– Бу... бу... бууу... – услышав звуки от человека на скамейке, я вздрогнула и резко обернулась.

Мужчина немного повернул голову, и я увидела его лицо. Вернее, это было вовсе даже не лицо, а что-то серо-синее, такое же заляпанное в грязи, в котором можно было разглядеть лишь отдаленные черты человеческого лица. Лицо было сильно опухшим, глаз практически не было видно, рот был весь замаран какой-то вонючей смесью, в ухе была запекшаяся кровь. Он снова что-то невнятно произнес, опустил голову и продолжил стонать. Я не разобрала его слов и пошла дальше. Мне было жаль этого человека, и в то же время он был мне отвратителен. Все то, что я испытывала к своему отцу, я испытала и к нему. Только по отношению к своему отцу я еще испытывала чувство стыда, а на этого человека мне было наплевать, что собственно я и сделала.

– Мы теперь одно целое, – услышала я голос Лары, подойдя к девочкам. – Теперь мы смело можем называть себя одной командой.

За все годы нашей дружбы, а она длилась вплоть до моего отъезда в город, я ни разу не пожалела, что попала в эту компанию. Нам всегда было интересно, всегда было, о чем пого-

ворить. Мы действительно были близки и верны друг другу. И тот день стал началом перехода меня из серой обыденности в воронку самых интригующих, порой опасных, а порой даже очень романтических событий. В парке мы просидели не долго. В силу своего возраста наш разум требовал разнообразия, и мы ушли из парка. Определенной цели куда-нибудь пойти у нас не было, мы просто без плана слонялись по разным улицам и все время о чем-нибудь болтали. Чаше смеялись, временами о чем-то спорили. В такие моменты Лаура выступала нашим арбитром. Не гласно все понимали, что Лаура – это Акелла в нашей стае.

Сумерки опустились незаметно, а мы все гуляли и гуляли. Но наш мудрый лидер, ссылаясь на то, что про семью забывать нельзя, предложила нам разойтись по домам, и завтра снова встретиться, но уже в школе. Никто не думал возражать, да и внезапно всех одолело чувство голода. Мы тепло попрощались друг с другом, и разошлись каждая в сторону своего дома.

Подходя к дому, я начала прислушиваться, стараясь определить обстановку. Вокруг все было тихо. Мама должна была быть уже дома. В это время, если ее не дергали забрать откуда-нибудь отца, она занималась проверкой школьных заданий учеников. Отца, видимо, еще не было, либо он уже отсыпался от очередной пьянки. Стараясь не шуметь, я медленно открыла входную дверь, сняла верхнюю одежду, обувь и собиралась было пройти в свою комнату, как увидела у ок-

на гостинной силуэт. Мама сидела в темноте, в одиночестве и тихо качалась из стороны в сторону. Пройдя в комнату, моя рука потянулась к выключателю, чтобы зажечь свет, как мама меня остановила:

– Не надо, Динара. Не включай. Мне свет не нужен, – мама говорила тихим спокойным голосом, но что-то внутри меня сжалось и подкатилось к горлу, что-то произошло, что-то страшное.

– Почему ты сидишь здесь? В темноте? Где папа? Спит? Или ты настраиваешься, чтобы пойти за ним? – последнее я проговорила с явной ноткой сарказма. Для меня это было что-то новое, до этого момента таких вольностей я себе не позволяла.

Мама, кажется, тоже была удивлена. Она повернула голову в мою сторону, но в темноте я не смогла прочесть ее взгляд, только голос:

– Нет. Папы нет дома.

В этот момент я уже повернулась было идти в свою комнату, как мама снова заговорила:

– Папы больше нет. За ним больше не нужно никуда ходить. Его не нужно больше искать. Он умер...

Я стояла спиной к маме как вкопанная. Я не могла ни повернуться, ни сделать шаг, я не могла произнести ни звука. Я просто застыла. А мама продолжала тихо говорить:

– Его не стало, Динара. Позвонил участковый, сказал приехать в морг, они нашли тело, и его необходимо опознать. Он

сказал, что при нем нашли его документы, а лица не узнать. Я съездила туда. Я узнала его... это большое родимое пятно на голени... я только сейчас поняла, что Всевышний награ-
дил его им именно для этого... чтобы я смогла его узнать... Это он Динара, это был твой отец. На него напали. Его сильно избили. Его убили...

Мамин голос заметно дрогнул, после некоторой паузы она продолжила:

– Они оставили его там... умирать. Он умер среди людей, но в одиночестве... ему никто не помог, никто... Его нашли на скамье в парке, в разорванной одежде, без обуви... Динара... твой папа умер... Больше никто не будет тебя называть Бусинкой...

Мой мир рухнул...

***

2006 год, лето

– Динара! Динара! Ты вообще слышишь, что я тебе говорю? – мама махнула на меня рукой, как на самое бесполезное существо в мире, и продолжила лепить манты. – Что с тобой происходит? Ты в порядке?

– Да, мама, все нормально. Я просто вспомнила кое-что, – я старалась говорить спокойно, дабы не выдать боль нахлынувших меня воспоминаний.

– А почему ты плачешь? – не унималась мама. Только эта женщина во всем мире могла так пронизывающе подозрительно смотреть.

– Потому что ты поставила передо мной мясо с луком. Тут любой заплачет, – оправдалась я через паузу.

– Бери ложку, помоги мне. Давай скорее закончим, – мама продолжала смотреть на меня скептически, – скоро мое Золотце придет, голодная. И наш с тобой разговор не закончен. Подумай над тем, что я говорила. Ребенку нужна мать! Она не должна чувствовать себя круглой сиротой при живой и здоровой матери.

– С тобой ей будет лучше, мама, поверь. Но я постараюсь что-нибудь придумать и перевезти вас обеих в город, – скептический взгляд мамы поставил долгожданную точку.

Шли годы, а я так ничего и не придумала...

2000 год, весна

– Мама, ты можешь говорить по тише? И мы к тому же дома не одни... Ты ставишь меня в неловкое положение, – Алина не переходила на шепот, но голос ее был спокойным и тихим в отличие от той тональности, которую использовала ее мама.

– Мне что в доме у собственной дочери нужно стесняться прислуги? – на последнем слове женщина намеренно сделала большой акцент и повысила тон, чтобы ее слова долетели и до меня. – Мне стоит научить тебя правильно обращаться с ними и держать их на своем месте.

С огромным желанием я бы предпочла куда-нибудь уйти и не подвергать свою психику такому испытанию. Но в этом доме было неукоснительное правило. Пока Карина отдыхала, кто-то из нас двоих, либо Алина, либо я, должны были быть хранителем ее снов. Сон у ребенка был беспокойным, она часто по ночам просыпалась с громким плачем. Это было последствием внутричерепного давления, которым страдали чуть ли не половина всех детей в стране. Вот мы и стояли на страже, чтобы никто не мог нарушить покой ребенка. Когда Алина была свободна, я могла потихоньку сбегать в магазин, в аптеку, или еще по каким-нибудь личным делам выйти из дома. Когда же она была занята работой или своими

личными делами, посох хранителя переходил ко мне. В этот раз Алина была занята, она как раз вела битву со «страшным монстром», который покушался на покой ее дочери. Повезло в том, что комната Карины была самой дальней комнатой от гостиной, поэтому туда при закрытой двери могли долетать лишь приглушенные звуки.

Я сидела в своей комнате, смежной с комнатой Карины, и была ближе к гостиной. Моим ушам и не нужно было прислушиваться. Каждое слово долетало до меня четко и ясно. К тому же дверь моей комнаты была открыта. И волей не волей приходилось слышать все, что мать Алины так демонстративно пыталась до меня донести. Не могу сказать ни одной веской причины, из-за которой у нее могла сложиться ко мне такая неприязнь. Но высокомерие, с которым она со мной говорила в тех случаях, когда вынуждена была вообще со мной разговаривать, без сомнений очень ярко выражало ее отношение ко мне. Не пытаясь и, в принципе, не горя желанием найти хоть одну какую бы то ни было причину, я все свела к нашей с ней взаимной природной антипатии. Ну не могут же все люди на свете друг другу нравиться.

– Во-первых, я не держу в доме прислугу, ты что-то напутала. Во-вторых, я попросила говорить по тише ради Карины. Она спит, и ты прекрасно знаешь какой у нее чуткий сон. Налить тебе попить? Динара сделала чудесный освежающий огуречный лимонад, – ничто не могло Алину вывести из себя. Об этом ее мать была также прекрасно осведомлена, и,

понимая бесполезность своих провокаций, все же не лишала себя удовольствия язвить и выплескивать сарказм.

– Ну давай попробуем этот живительный напиток, – уже более ровным и тихим голосом проговорила женщина. – Посмотрим на его эффект.

Алина, закатив глаза, удалилась на кухню. Вернувшись с двумя стаканами лимонада, один протянула матери. Та глотнула, но не подала виду, что напиток ей понравился. Алина незаметно улыбнулась. В душе она надеялась, что когда-нибудь сердце матери оттаяет, и она сможет разглядеть все плюсы нянечки Карины и больше не станет ее доставать. Алина не ждала пробуждения в матери великой любви ко мне, но по крайней мере лелеяла мысль о ее снисхождении и терпимом отношении.

– Так что на счет моего предложения??? Алина..., у тебя сейчас лучшие годы..., жизнь на столько интересна и прекрасна, но она проходит мимо... Ну неужели ты этого не замечаешь? – женщина и не думала отступать от своей дочери, возвращаясь к прерванному разговору.

– Мама, у меня все хорошо. Кажется, это ты не замечаешь... Меня все устраивает. У тебя абсолютно нет причин для волнений и переживаний. Ну посмотри на меня..., видишь? Я вполне счастлива... – Алина поставила стакан на столик и развернулась к матери, скрестив руки на груди.

– Когда человек по-настоящему счастлив и доволен своей жизнью, он не использует слово «вполне» для определе-

ния происходящего, – вынесла вердикт ее мама. – Я не вижу блеска в твоих глазах, доченька. Тебе нужно жить дальше и дышать полной грудью. Сейчас мы с папой видим лишь результат труда психолога, который смог вернуть тебе покой и умиротворение. За это ему огромная благодарность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.